Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/FAUGUQ
УДК 821.112.2.0
ББК 83.3(4Гем)

«ЭТОТ МИР УЖЕ НАСТУПИЛ»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ УНИВЕРСУМ ФРАНЦА КАФКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ХАННЫ АРЕНДТ

© 2023 г. К.В. Лощевский
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 08 апреля 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 11 мая 2023 г.
Дата публикации: 25 декабря 2023 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-128-143

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00925 (https://rscf.ru/project/23-28-00925/) «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования»; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Аннотация: В статье рассматривается творчество Франца Кафки в интерпретации немецко-американского философа и политического теоретика Ханны Арендт. К произведениям великого модерниста Арендт возвращалась на протяжении всей своей жизни, о чем свидетельствуют такие ее книги, как «Скрытая традиция», «Между прошлым и будущим», «Люди в темные времена». Арендт видит в Кафке автора, сочинения которого способны приблизить нас к пониманию современной эпохи, поскольку в них художественными средствами выявляется скрытая от глаз внутренняя структура мира. Конструкция сочинений Кафки сравнивается в статье с фабулой античной трагедии, в центре которой находится столкновение протагониста со всемогуществом рока. Под этим углом зрения в качестве лейтмотива сочинений Кафки обсуждается конфликт между атомизированным индивидом и социальным порядком, анализируемый на примерах романа «Процесс» и новелл «Приговор» и «Превращение». Проводится параллель между описанием тотальной социальной машинерии в произведениях Кафки и выдвигаемой Арендт концепцией новоевропейской «экспансии общества», понимаемого как «власть никто», которая утверждается и при авторитарных, и при либеральных политических режимах.

Ключевые слова: Кафка, Арендт, «Процесс», «Приговор», «Превращение», социальный порядок, публичность, одиночество, фатум, реальность, анонимность.

Информация об авторе: Кирилл Владимирович Лощевский — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, ул. Фучика, д. 15, 192236 г. Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. р. Фонтанки, д. 15, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-2409-4262

E-mail: lostchevsky@mail.ru

Для цитирования: *Лощевский К.В.* «Этот мир уже наступил»: художественный универсум Франца Кафки в теоретических исследованиях Ханны Арендт // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 128–143. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-128-143

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 4, 2023

"THIS WORLD ACTUALLY HAS COME TO PASS": FRANZ KAFKA'S ARTISTIC UNIVERSE IN THE THEORETICAL STUDIES OF HANNAH ARENDT

© 2023. Kirill V. Lostchevsky
St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia
Received: April 08, 2023
Approved after reviewing: May 11, 2023
Date of publication: December 25, 2023

Acknowledgements: The research was carried out at the Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky with financial support by the Russian Science Foundation, grant no. 23-28-00925 (https://rscf.ru/project/23-28-00925/) "Hannah Arendt and Literary Issues: Poetic Thinking as a Special Form of Philosophizing."

Abstract: The article is devoted to the consideration of Franz Kafka's creativity in the interpretation of the German-American philosopher and political theorist Hannah Arendt. Throughout her life, Arendt frequently referenced the writings of the great modernist, as seen in her books "A Hidden Tradition," "Between Past and Future," "Men in Dark Times." Arendt sees Kafka as an author whose writings are able to bring us closer to understanding the modern era, since they reveal the inner structure of the world hidden from the eyes by artistic means. The construction of Kafka's works is compared in the article with the plot of an ancient tragedy, in the center of which is the collision of the protagonist with the omnipotence of rock. From this point of view, the conflict between the atomized individual and the social order is considered as the leitmotif of Kafka's writings and analyzed by the examples of the novel *The Trial* and the short stories *The Judgment* and *The Metamorphosis*. A parallel is drawn between the description of total social machinery in Kafka's works and Arendt's concept of the New European "expansion of society," understood as "no-man rule," which is asserted under both authoritarian and liberal political regimes. The article demonstrates that Kafka's artistic texts can be understood as the starting point of Arendt's theoretical reflections on the genesis and characteristic features of modern mass society.

Keywords: Kafka, Arendt, *The Trial*, *The Judgment*, *The Metamorphosis*, social order, publicity, loneliness, fate, reality, anonymity.

Information about the author: Kirill V. Lostchevsky, PhD in Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Fuchika St., 15, 192236 St. Petersburg, Russia; Research Fellow, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Fontanka Emb., 15, 191011 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-2409-4262

E-mail: lostchevsky@mail.ru

For citation: Lostchevsky, K.V. "'This World Actually Has Come to Pass': Franz Kafka's Artistic Universe in the Theoretical Studies of Hannah Arendt." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 128–143. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-128-143

В статье «Франц Кафка: переоценка», посвященной двадцатилетию со дня смерти великого писателя, Ханна Арендт в первую очередь подчеркивает присущее его текстам «качество современности, которое не проявляется с той же интенсивностью и несомненностью больше нигде» [27, с. 69] (цит. по: [19, с. 157]). Для Арендт именно Кафка стал тем автором, творчество которого приближает к пониманию современной эпохи, характеризующейся, по словам Арендт, такими социальными феноменами, как «беспочвенность и одиночество масс» [31, с. 21] (цит. по: [20, с. 85]), эпохи политических катаклизмов и моральных катастроф, суть которой остается скрытой «в непрозрачной, бессмысленной фактичности, распространяющей помрачение и вызывающей тошноту» [28, с. 7] (цит. по: [16, с. 9]). В этой связи Арендт говорит о «темных временах», имея в виду не только «чудовищность нашего века» [28, с. 7] (цит. по: [16, с. 9]), но и, быть может, в первую очередь его непроницаемость для традиционных дискурсивных и художественных техник раскрытия и описания реальности. Поэтому произведения Кафки, в которых нет «ни одной строки и ни одной повествовательной конструкции, которая шла бы навстречу читателю», а есть лишь «сама правда» [26, с. 97] (цит. по: [18, с. 115]), оказываются ключом к пониманию европейского XX в. со всеми его социальными, политическими, ментальными трансгрессиями и революциями. Сочинения Франца Кафки — как большие романы, так и крохотные притчи — не освещают внешний облик происходящего, а «подобно рентгеновским лучам обнажают его внутреннюю структуру» [25, с. 10] (цит. по: [17, с. 14]).

Таким образом, в интерпретации Арендт Кафка предстает своего рода диагностом эпохи, по незначительным, на первый взгляд, симптомам,

реконструирующим актуальную ситуацию человеческого существования, «действительность, которую нам пришлось пережить» [26, с. 103] (цит. по: [18, с. 124]). «Темнота» времен делает их недоступными для непосредственного наблюдения, мы можем судить о них лишь по косвенным эффектам, подобно тому, как современные космологи постулируют существование незримой «темной материи» на основании аномалий в движении наблюдаемых космических объектов. «Ненормальность» мира, разворачивающегося в романах и новеллах Кафки, оказывается непрямым, но при этом чрезвычайно убедительным указанием на конституцию реальности.

Выражение «темные времена» (finstere Zeiten) Арендт, по ее собственному признанию, взяла из стихотворения Бертольта Брехта «К потомкам» (*An die Nachgeborenen*, 1934–1938), однако у нее, особенно в переводе на английский, оно приобретает одновременно и более широкий, и более тонкий смысл. Если немецкое finster означает в первую очередь «мрачный», «безрадостный» (Ефим Эткинд так и перевел на русский язык первую строку брехтовского стихотворения: «право, я живу в мрачные времена» [3, с. 216]), то английское dark (подобно русскому слову «темный» и немецкому dunkel), используемое Арендт, включает в себя и значение «неясный», «непонятный», «непрозрачный» (именно об этом говорит, скажем, вышеупомянутый космологический термин dark matter, «темная материя»): это не колористическая характеристика и тем более не эмоциональная оценка, а констатация того, что мы имеем дело с реальностью, которую наше мышление пока что не в состоянии постичь. В этом смысле выражение «темные времена» содержит в себе признание в недостаточности имеющихся у нас средств для ее адекватного понимания и описания, что ставит нас перед своего рода парадоксом «темных времен»: почему эпоха, характеризующаяся беспрецедентным прогрессом практик, направленных на объяснение природных и социальных феноменов, эпоха все более широкой публичности во всех сферах политической, общественной и экономической жизни, с достаточным основанием может рассматриваться как «темные времена», почему ее сущность оказывается недоступной для всех этих практик?

В этой связи Арендт обращается к внешне противоречивой формулировке, данной Мартином Хайдеггером в «Бытии и времени»: «Свет публичности все затемняет» (Das Licht der Öffentlichkeit verdunkelt alles) [28, с. 7]

(цит. по: [16, с. 9])[1]. Напрашивается вывод, что именно сама публичность, превращая интимное в открытое и общедоступное и, как следствие, уравнивая все бытийные возможности, скрывает нечто гораздо более важное и существенное и таким образом провоцирует «темноту» времен, проникновение в которую требует каких-то иных, принципиально новых способов экспликации реальности. В сочинениях Франца Кафки мы сталкиваемся с этой порождаемой светом публичности темнотой. Роковая машинерия «Процесса» прозрачна, об обвинении Йозефа К. известно буквально всем и каждому, однако истинный смысл событий остается тайной для всех действующих лиц — более того, как раз эта публичность и делает ее совершенно непостижимой для приученного к традиционным рациональным операциям мышления. По этому поводу Арендт замечает, что неспособность пробиться к истинному положению вещей в значительной мере характерна и для читателей Кафки, не заметивших, что «этот мир уже наступил» [27, с. 73] (цит. по: [19, с. 163]), а потому ужас и страх, нашедшие свое выражение в романе, казались им необъяснимыми и неадекватными своему подлинному содержанию: «Испугал скорее сам роман, чем суть дела» [26, с. 101] (цит. по: [18, с. 120]).

Но, читая Франца Кафку, мы все же можем понять это содержание, ухватить «суть дела», выяснить «правду». Кафка обнажает «омерзительную структуру» мира, «сталкивая реальность и видимость» [27, с. 71] (цит. по: [19, с. 161]), и достигает этого за счет подчеркнуто нейтрального нарративного стиля. Повествовательная техника Кафки радикально отличается и от традиционной романной техники, и от манеры модернистских литераторов, экспериментирующих с экспрессивными возможностями языка в стремлении выразить «усложнение внутренней жизни» [27, с. 69] (цит. по: [19, с. 158]). Арендт говорит даже об отсутствии стиля, о «бесстилевом совершенстве», благодаря которому тексты Кафки захватывают читателя, даже если тот не улавливает их истинной сути [26, с. 99] (цит. по: [18, с. 117]). В том же духе высказывается и Владимир Набоков: «Ясность его речи, точная и строгая интонация разительно контрастируют с кошмарным содержа-

1 Арендт, возможно, намеренно цитирует не совсем точно. У Хайдеггера говорится: “Die Öffentlichkeit verdunkelt alles und gibt das so Verdeckte als das Bekannte und jedem Zugängliche” (Публичность все затемняет и выдает то, что тем самым оказалось скрытым, за известное и доступное каждому) [13, с. 127].

нием рассказа (имеется в виду новелла «Превращение». — *К.Л.*). Его резкое черно-белое письмо не украшено никакими поэтическими метафорами» [7, с. 364]. Язык Кафки — язык регистратора симптомов, описывающего клиническую картину, старательно избегая при этом субъективных оценок. Если литература модерна в целом представляет собой речь от имени субъекта, отстаивающего свое право на персональную интерпретацию реальности, то тексты Кафки выглядят как речь от имени самой реальности, проблематизирующей все претензии субъекта на дискурсивную автономию, на легитимность такого рода интерпретации. Истории Кафки от начала и до конца являются художественным вымыслом, однако их реальность неожиданно оказывается более подлинной, нежели та, которую открывает наш привычный социальный опыт. Они становятся нетривиальным средством обнаружения архитектоники мира в эпоху «все затемняющей» публичности[2].

Кафка достигает такого эффекта во многом за счет своего рода архаизации, деперсонализации нарратива: речь от имени реальности есть не что иное, как речь от имени Anankē, фатума, рока, властвующего надо всем сущим и, в первую очередь, над судьбами смертных. В XX в. этот фатум предстает в облике тотальной социальной машинерии, конститутивная анонимность которой обеспечивает ее непрозрачность для субъективистских дескрипций и экспликаций. В понимании Арендт Кафка — отнюдь не прорицатель, рисующий антиутопические картины будущего, а аналитик, исследующий устройство подобной машинерии: «Пророчества Кафки — это не что иное, как трезвый анализ базовых структур, которые сегодня стали очевидными» [27, с. 74] (цит. по: [19, с. 164]). Но для этого ему требуется отречься от характера действительности, реконструируемой реалистическим романом, вследствие чего при чтении его сочинений и возникает отчетливое чувство нереальности [27, с. 75]. Европейский реалистический роман изображает развитие и переплетение человеческих страстей в историческом контексте эпохи, причем согласованность сюжетных поворотов и их локализаций обеспечивается столкновением интересов различных персонажей, преследующих собственные цели и осуществляющих свои жела-

2 Схожие идеи излагаются в статье «Политическое пространство художественного вымысла: "Банальность зла" сквозь призму литературной рефлексии», где, правда, предметом рассмотрения выступает рецепция труда самой Арендт в романе современного автора, см.: [6].

ния {«все эти романисты… конкурировали с действительностью» [26, с. 111] (цит. по: [18, с. 135])}. Тем самым задается перспектива рассмотрения психологической и социальной реальности, благодаря которой последняя обретает смыслы, доступные для интерпретации. Персонажи Кафки, напротив, выглядят лишенными каких бы то ни было индивидуальных (психологических) свойств (что заставляет вспомнить знаменитый роман другого выдающегося австрийского писателя Роберта Музиля), характерных черт, из которых формируется живой человек: они представляют собой сугубо функциональные абстракции. В своей совокупности эти функциональные абстракции репрезентируют фатальную машинерию мира, с которой сталкивается и которой противостоит протагонист, также весьма отличающийся от классического литературного героя. В европейском романе он является некоей интегративной функцией, «инструментом для удержания вместе разрозненных фрагментов повествовательных техник» [5, с. 22]; с его помощью и вокруг него выстраивается система разнообразных контингентных взаимосвязей, образующих целостность мира. Тогда как в романах Кафки роль главного героя состоит в обнаружении фактической ненормальности мира и «нормального» общества [26, с. 108], и именно нереалистичность персонажей и ситуаций способна открыть нам доступ к глубинным слоям самой реальности.

Грегор Замза («Превращение») и Йозеф К. («Процесс») сталкиваются с неотвратимой и непостижимой реальностью: чудовищная метаморфоза первого и необъяснимое обвинение, предъявленное второму, раскрывают, по выражению Арендт, «омерзительную структуру мира» [27, с. 71] (цит. по: [19, с. 161]). Она имеет в виду социальный порядок, несомненно, существовавший и до роковых событий, «ненормальность» которого, однако, становится очевидной лишь благодаря тому, что эти события произошли. Подобным образом исторические катастрофы первой половины XX в., согласно Ханне Арендт, полностью уничтожили все сложившиеся представления о мироустройстве: «истины прошлого стали бесполезны, аксиомы всемирного прогресса — неуместны» [8, с. 19]. Новые реалии обесценили привычные политические различия [29, с. 429–434], уютная понятность, «нормальность» мира оказалась безвозвратно разрушенной. Кафкианский миропорядок, разумеется, является порождением литературной фантазии, однако эта фантазия организована таким образом, что содержит в себе, по

словам Арендт, «до сих пор неразгаданную загадку» [25, с. 14] (цит. по: [17, с. 18–19]): Кафка поразительным образом переворачивает устоявшиеся отношения между опытом и мышлением, из ничтожного «абстрактного» минимума опыта создавая такой интеллектуальный ландшафт, в котором находится место для всего богатства «реальной» жизни.

«Фантазия у Кафки сугубо логична», — отмечает В. Набоков в своем подробном анализе «Превращения» [7, с. 363]. Но при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что эта логика совершенно иного характера, нежели та, что присуща новоевропейскому литературному нарративу. Скорее она заставляет вспомнить об античной трагедии, в которой протагонист перед лицом рока узнает шокирующую, говоря словами Парменида, «многокарающую» правду о собственном бессилии и обреченности [9, с. 286]. Только в отличие от греческой трагедии, где узнавание представляет собой «перемену от незнания к знанию лиц... назначенных к счастью или несчастью» [2, с. 657], вызывающую перелом в судьбе протагониста и оказывающую сильнейшее эмоциональное воздействие на зрителей, узнавание в историях Кафки само инициировано уже свершившимся радикальным переломом, позволяющим разглядеть (не столько ему, сколько читателю) доселе скрытые пласты окружающей его реальности, будь то семья, как в «Превращении», или общество, как в «Процессе».

Всемогущество рока проявляется даже не в том, что герой не в силах противостоять ему и переменить к лучшему свое положение в универсуме, а в том, что он интериоризирует навязанный ему извне порядок вещей: его несчастье становится для него свидетельством собственной виновности, а стало быть, и заслуженности понесенного или предстоящего наказания. Более того, в определенном смысле можно сказать, что Йозеф К. не просто внутренне признает свою так и оставшуюся неопределенной вину, но и — по версии Джорджо Агамбена — лжесвидетельствует, обвиняя самого себя в несуществующем преступлении, т. е., по сути, в собственной невиновности [1, с. 41]. Конфликт случайного (человеческой экзистенции) и необходимого (мирового порядка), idion (своего собственного) и koinon (общего) [30, с. 28], в облике которого в современную эпоху предстает фатум, заканчивается не просто поражением idion, а его безоговорочной капитуляцией и внутренним принятием собственной участи. Сама необязательность, контингентность индивидуального человеческого существования

перед лицом фатальной необходимости миропорядка равнозначна признанию его виновности в посягательстве на легитимность и стабильность этого миропорядка, в некоей принципиальной деструктивности, в том самом «бесчинстве» (adikia), о котором говорится в древнейшем из дошедших до нас памятнике западного мышления, фрагменте Анаксимандра, и которое влечет за собой неотвратимое и (именно в силу этой неотвратимости) справедливое наказание.

Необходимость здесь синонимична справедливости, тогда как случайность ей противоположна, она изначально включает в себя то, что греки обозначали понятием hybris — нелегитимную претензию на неподобающий онтологический статус; поэтому само появление индивидуальных вещей, существующих не в силу необходимости, а благодаря произвольному стечению обстоятельств, рождает «роковую задолженность», расплатой за которую становится их неизбежная гибель[3]. Как отдельные вещи, так и человеческие индивиды, несмотря на свой случайный характер, вписаны в структуру мирового порядка, выполняя в ее рамках отведенные им функции: Йозефа К. судят и казнят такие же, как и он, индивиды, которые, однако, действуют от имени некоей трансцендентной инстанции и выступают в роли инструментов высшей необходимости, реализуя непостижимый для них самих роковой сценарий. В кафкианском мире всемогущество фатума предстает в облике сакрализованной всеобщности социального порядка, столкновение с которым в конечном счете вызывает у одинокого протагониста-аутсайдера чувство вины и стыда за то, что самим своим существованием он вносит дисгармонию в бесперебойную работу мировой машины, и даже за то, что «он не смог выполнить свой долг до конца» [33, с. 323] (цит. по: [24, с. 427]) и самостоятельно привести в исполнение так и не вынесенный ему официально приговор по так и не сформулированному обвинению.

В «Превращении» вся история Грегора Замзы после метаморфозы является, по сути, историей его постепенного исключения из миропорядка, олицетворяемого его собственной семьей, исключения, с которым он внутренне примиряется и соглашается: «Он тоже считал, что должен исчезнуть,

3 Изречение Анаксимандра в переводе А.В. Лебедева звучит так: «А из каких [начал] вещам рожденье, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [= ущерба] в назначенный срок времени» [9, с. 127].

считал, пожалуй, еще решительней, чем его сестра» [34, с. 49] (цит. по: [22, с. 319][4]). В новелле «Приговор» фатум репрезентирует фигура больного телесно и ментально отца главного героя, внезапно и, как кажется, немотивированно приговаривающего его к смертной казни. Выслушав отцовский вердикт, Георг Бендеман следует зову некоего неодолимого влечения («Георг почувствовал, словно что-то гонит его вон из комнаты» [32, с. 25] (цит. по: [23, с. 277])) и, в отличие от Йозефа К., которому не хватило для этого физических сил, сам приводит приговор в исполнение. Самоубийство героя равнозначно признанию вины перед судом самой высшей инстанции, полномочным представителем которой выступает его немощный и, возможно, полубезумный отец. Финальная фраза рассказа — «В это время на мосту было оживленное движение» [32, с. 26] (цит. по: [23, с. 278]) — как бы подчеркивает автоматизм работы социальной машинерии.

Этот кафкианский мир, с одной стороны, вызывает у Арендт моральный протест, а с другой — его проекция на социальную реальность современной эпохи во многом провоцирует ее собственные теоретические рассуждения о генезисе и природе общества. Протест связан в первую очередь с тем, что социальный порядок узурпирует прерогативы порядка космического и, соответственно, божественного: анонимная инстанция, именующаяся обществом, присваивает себе божественный статус, а его законы преподносятся как «неподвластные человеку божественные заповеди» [26, с. 102] (цит. по: [18, с. 122]). «В мире, в который пойманы герои Кафки, зло состоит как раз в его обожествлении, его притязаниях на представление божественной необходимости» [27, с. 71] (цит. по: [19, с. 161]), — пишет Арендт. Под «миром» тут очевидным образом понимается не природный или космический универсум, а производящая поведенческую нормативность организация общества. Здесь можно усмотреть своего рода инверсию связи социальной реальности и религиозных представлений, выявленной в свое время классиком европейской социологии Эмилем Дюркгеймом. Если для Дюркгейма священное и божественное, как объективная и универсальная действительность, представленная в ощущениях верующих, есть не что иное, как само общество [4, с. 688], то в мире, конструируемом Кафкой, уже общество, по мысли Арендт, предстает в качестве секулярного субститута

4 О личных мотивах Кафки, проявляющихся в его изображении семейных отношений, см. монографию Озлем Фертина: [10].

божества, предписывающего своим адептам определенные модели поведения, одновременно гарантируя им некоторый набор благ и преференций. В первом случае речь идет о том, что божество — это сакрализованное общество, а во втором о том, что общество — это секуляризованное божество. Обожествление общества, понимаемого как необходимый мировой порядок, приписывание ему нуминозных характеристик, несомненно, является эпифеноменом провозглашенной Ницше смерти Бога, утраты трансцендентных гарантий космологического, морального и социального комфорта. Ибо социологическая редукция Дюркгейма, по сути, есть не что иное, как констатация смерти Бога на языке гуманитарного знания начавшегося XX в., а обожествленная социальность предполагает банализированную нуминозность: если Бог — это общество, то общество — это Бог[5].

Но устанавливаемый таким образом «божественный закон» неизбежно оборачивается утверждением «ложной необходимости и необходимости лжи» [27, с. 71] (цит. по: [19, с. 161]), подавлением всех «асоциальных элементов» [30, с. 44] (цит. по: [21, с. 59]), экспансией общества как в публичную, так и в приватную сферу человеческой жизни. Этот триумф социальности, который, по мысли Арендт, стал характерной приметой европейского Нового времени, стирает конститутивную для античности и так или иначе сохранявшуюся в позднейшие эпохи границу между политическим и частно-хозяйственным кластерами совместной жизни людей и ведет к установлению господства анонимных административных институций, той самой пресловутой смитианской «невидимой руки», контролирующей не только экономические трансакции, но и всю совокупность интерперсональных взаимодействий [30, с. 44]. Внутри современного, т. е. массового общества, как подчеркивает Арендт, «никто господствует или правит. Однако этот никто… правит не менее деспотично оттого, что не привязан ни к какому конкретному лицу… Господство обезличенного никто… при известных обстоятельствах способно оказаться одной из самых мрачных и тиранических форм правления» [30, с. 41] (цит. по: [21, с. 54–55]). Но ведь именно этот сдвиг, характерный для вытеснившей все прочие формы человеческого взаимодействия социальности, является одним из главных мотивов прозы

5 Под этим углом зрения может быть рассмотрена и критикуемая Арендт [27, с. 70] теологическая интерпретация «Процесса», в частности концепт «инверсивной теологии» Теодора Адорно, см.: [12].

Кафки: подавление индивида анонимной фатальной силой, выдающей себя за манифестацию позитивной, а стало быть, легитимной необходимости, и переформатирование автономного субъекта в элемент колоссальной тотальной структуры[6]. Так, Йозеф К. постоянно ощущает присутствие некоей «невидимой руки», которая дирижирует роковым для него ходом событий и которую невозможно отождествить с той или иной официальной институцией, а сам он словно бы включен в работу загадочного незримого механизма. Художественными средствами Кафка фиксирует рождение массового общества, демонстрирующего, говоря языком Арендт, победу социальности вообще, устанавливающей жесткие критерии нормальности, любые отклонения от которых стигматизируются как аномальные и асоциальные. Эта победа оборачивается полным господством оперативного разума: «мир понимается как сумма аперсональных счетных операций, а человек в довольно-таки зловещем смысле как animal rationale» [11, S. 210], причем рационально это животное именно потому, что любое его действие поддается расчету и контролю.

«Власть никто» прочитывается как новая формула для диктатуры провиденциального фатума, духа времени, главенствующей тенденции эпохи, которая вполне способна предстать в облике как постпросвещенческой идеи прогресса, так и консервативно-постромантической утопии. Победа социальности, согласно Арендт, выражается в том, что общество апроприирует все прерогативы реальной субъектности и исключает свободные поступки индивидов, подменяя их социально нормированным и регламентированным поведением [30, с. 41]. Тем самым ликвидируются все прочие формы интерперсонального взаимодействия, нивелируются стоящие вне общества классы и группировки, и любая отличительность становится частной принадлежностью отдельных индивидов [30, с. 42]. Массовое общество неизбежно атомизируется, превращаясь в сумму одиночеств лишенных почвы и корней индивидов. Симптомы этой социальной атомизации распознаются в покинутости героев Кафки: и Грегор Замза, и Георг Бендеман, и Йозеф К. драматически одиноки, а предпринимаемые ими попытки установить коммуникативные связи со своим окружением только усугубляют ситуацию и ведут их к гибели. Так, Грегор постепенно утрачивает способность речи, родные избегают

6 См. об этом подробней: [14, S. 29–37].

обращаться к нему напрямую, а причиной его смерти оказывается брошенное отцом яблоко, после того как он вырвался из своей комнаты, которую по негласному решению членов семьи ему не дозволялось покидать. Если метаморфоза Грегора обрекала его на радикальное одиночество, то и его отец переживает своего рода превращение: из пожилого больного человека, с трудом передвигавшегося во время прогулок, он становится «довольно-таки осанистым», начинает носить форменный мундир и фуражку, подобно представителю некоей высшей власти [34, с. 61] (цит. по: [22, с. 307]). Но прежде всего Грегора, смотрящего на него снизу вверх, поражает «огромный размер его подошв» [34, с. 61] (цит. по: [22, с. 307]). Это преображение позволяет рассматривать отца как персонификацию «победившего социума», подвергающего индивидов экзистенциальной изоляции и использующего для этого арсенал дисциплинарных и репрессивных мер.

В рассказе «Приговор» гнев отца Георга, вспышка которого предшествует вынесению рокового вердикта, вызывают отношения сына с уехавшим в Россию другом и его предстоящая женитьба, т. е. перспектива вырваться из замкнутого круга одиночества. И в этом случае фигура отца также прочитывается как репрезентация фатальной высшей силы, удерживающей героя в герметичном пространстве индивидуального существования, выходом из которого может стать только его гибель. Важно, что «экспансия социальности», рождающая это атомизированное общество, разворачивается поверх всех идеологических и политических различий и оппозиций современного мира. Но то же самое можно сказать и о реальности, внутри которой действуют персонажи романов и новелл Кафки: она не является эксклюзивным достоянием какой-либо определенной социально-политической системы, в равной мере охватывая как управляемое авторитарной властью общество массовой мобилизации, так и либеральное общество массового потребления.

Сила художественной фантазии Франца Кафки такова, что она обнаруживает, раскрывает, предвосхищает нечто совсем нефантастическое — скрытую структуру самой реальности. «Вопреки тысячелетней истории сочиненное вдруг предстает как образец, а реальность — как подражание, привлеченное к ответственности», — замечает Арендт [26, с. 110] (цит. по: [18, с. 133]). И именно поэтому эти литературные произведения оказались продуктивными для социально-политических анализов Ханны Арендт. С известной долей условности можно даже сказать, что истории Кафки вы-

ступают в качестве своего рода претекстов к некоторым чрезвычайно важным сюжетам ее теоретических размышлений: размыванию границ между частной и публичной сферами, анонимности и тотальности социального контроля, дегуманизации общественной жизни.

Список литературы

Исследования

1 *Агамбен Дж.* Нагота / пер. с итал. М. Лепиловой. М.: Грюндриссе, 2014. 204 с.

2 *Аристотель.* Поэтика / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.

3 *Брехт Б.* К потомкам / пер. с нем. Е. Эткинда // *Брехт Б.* Стихотворения. Рассказы. Пьесы. М.: Худож. лит., 1972. С. 216–218.

4 *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Аполлонова и Т. Котельниковой. М.: Дело РАНХиГС, 2018. 809 с.

5 *Иглтон Т.* Теория литературы. Введение / пер. с англ. Е. Бучкиной. М.: Территория будущего, 2010. 296 с.

6 *Коваль О.А., Крюкова Е.Б.* Политическое пространство художественного вымысла: «Банальность зла» сквозь призму литературной рефлексии // Человек. 2022. Т. 33, № 4. С. 94–110. DOI: 10.31857/S023620070021630-0

7 *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. В. Голышева. М.: Независимая Газета, 1998. 512 с.

8 *Робин К.* Страх. История политической идеи / пер. с англ. А. Георгиева, М. Рудакова. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007. 368 с.

9 Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. I / пер. с древнегреч. А.В. Лебедева. 576 с.

10 *Firtina Ö.* Familie in Kafkas Schreiben: biographische Situation und literarische Verarbeitung. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; Wien: Lang, 2005. 163 S.

11 *Fohrmann J.* Die Intervention der Stimme und die Kritik der “Gedankenlosigkeit”. Hanna Arendt in Gesellschaft // Hannah Arendt und Giorgio Agamben. Parallelen, Perspektiven, Kontroversen / Hrsg. von E. Geulen, K. Kaufmann, G. Mein. München: Wilhelm Fink Verlag, 2008. S. 207–222.

12 *Gordon P.E.* Kafka’s inverse Theology // Kafka’s *The Trial*: Philosophical Perspectives / ed. by E. Hammer. New York: Oxford University Press, 2018. P. 23–54.

13 *Heidegger M.* Sein und Zeit. 19 Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2006. 445 S.

14 *Oschmann D.* Freiheit und Fremdheit: Kafkas Romane. Basel: Schwabe Verlag, 2021. 255 S.

Источники

15 *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

16 *Арендт Х.* Люди в темные времена / пер. с англ. и нем. Г. Дашевского и Б. Дубина. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 312 с.

17 *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.

18 *Арендт Х.* Франц Кафка // *Арендт Х.* Скрытая традиция / пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой и Н. Мовниной. М.: Текст, 2008. С. 114–138.

19 *Арендт Х.* Франц Кафка: переоценка // *Арендт Х.* Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание, тоталитаризм / пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 157–173.

20 *Арендт Х.* «Что остается? Остается язык». Беседа с Гюнтером Гаусом // *Арендт Х.* Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание, тоталитаризм / пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. С. 58–89.

21 *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

22 *Кафка Ф.* Превращение / пер. с нем. С. Апта // *Кафка Ф.* Приговор. Роман. Новеллы. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. С. 278–323.

23 *Кафка Ф.* Приговор / пер. с нем. И. Татариновой // *Кафка Ф.* Приговор. Роман. Новеллы. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. С. 268–278.

24 *Кафка Ф.* Процесс / пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой // *Кафка Ф.* Америка. Процесс. Из дневников. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 241–428.

25 *Arendt H.* Between past and future: eight exercises in political thought. New York: Penguin Books, 1993. 306 p.

26 *Arendt H.* Franz Kafka // *Arendt H.* Sechs Essays. Göttingen: Wallstein Verlag, 2019. P. 97–112.

27 *Arendt H.* Franz Kafka: A Revaluation // *Arendt H.* Essays in understanding 1930–1954: formation, exile, and totalitarianism / ed. by J. Kohn. New York: Schocken Books, 2005. P. 69–80.

28 *Arendt H.* Men in Dark Times. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968. 272 p.

29 *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt; Brace, 1951. 477 p.

30 *Arendt H.* Vita activa oder Vom tätigen Leben. 8. Aufl. München; Zürich: Piper, 1994. 375 p.

31 *Arendt H.* “What Remains? The Language Remains”: A Conversation with Gunter Gaus // *Arendt H.* Essays in understanding 1930–1954: formation, exile, and totalitarianism / ed. by J. Kohn. New York: Schocken Books, 2005. P. 1–23.

32 *Kafka F.* Das Urteil // *Kafka F.* Das Urteil. Erzählungen. 1. Aufl. Berlin: Aufbau-Verlag, 1985. P. 14–26.

33 *Kafka F.* Der Prozeß. Roman. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1950. 328 p.

34 *Kafka F.* Die Verwandlung // *Kafka F.* Das Urteil. Erzählungen. 1. Aufl. Berlin: Aufbau-Verlag, 1985. P. 26–80.

References

1 Agamben, Dzh. *Nagota* [*Nudities*], trans. from Italian by M. Lepilova. Moscow, Griundrisse Publ., 2014. 204 p. (In Russ.)

2 Aristotel'. *Poetika* [*Poetics*], trans. from Greek by M.L. Gasparov. Aristotel'. *Sochineniia: v 4 t.* [*Works: in 4 vols.*], vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 645–680. (In Russ.)

3 Brekht, B. "K potomkam" ["To Descendants"], trans. from German by E. Etkind. Brekht, B. *Stikhotvoreniia. Rasskazy. P'esy* [*Works. Stories. Plays*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972, pp. 216–218. (In Russ.)

4 Durkgeim, É. *Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaia sistema v Avstralii* [*The Elementary Forms of Religious Life*], trans. from French by A. Apollonov, T. Kotel'nikova. Moscow, Delo RANKhiGS Publ., 2018. 809 p. (In Russ.)

5 Eagleton, T. *Teoriia literatury. Vvedenie* [*Literary Theory. An Introduction*], trans. from English by E. Buchkina. Moscow, Territoriia budushchego Publ., 2010. 296 p. (In Russ.)

6 Koval, O.A., and E.B. Kriukova. "Politicheskoe prostranstvo khudozhestvennogo vymysla: 'Banal'nost' zla' skvoz' prizmu literaturnoi refleksii" ["The Political Space of Fiction: A Literary Reflection on 'Banality of Evil'."] *Chelovek*, vol. 33, no. 4, 2022, pp. 94–110. DOI: 10.31857/S023620070021630-0 (In Russ.)

7 Nabokov, V. *Lektsii po zarubezhnoi literature* [*Lectures on Literature*], trans. from English by V. Golyshev. Moscow, Nezavisimaia Gazeta Publ., 1998. 512 p. (In Russ.)

8 Robin, K. *Strakh. Istoriia politicheskoi idei* [*Fear. The History of a Political Idea*], trans. from English by A. Georgiev, M. Rudakov. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., Territoriia budushchego Publ., 2007. 368 p. (In Russ.)

9 *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' I* [*The Texts of Early Greek Philosophy. Part 1*], trans. from Greek by A.V. Lebedev. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p. (In Russ.)

10 Firtina, Özlem. *Familie in Kafkas Schreiben: biographische Situation und literarische Verarbeitung*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Wien, Lang, 2005. 163 S. (In German)

11 Fohrmann, Jürgen. "Die Intervention der Stimme und die Kritik der 'Gedankenlosigkeit'. Hanna Arendt in Gesellschaft." *Hannah Arendt und Giorgio Agamben. Parallelen, Perspektiven, Kontroversen*, Hrsg. von E. Geulen, K. Kaufmann, G. Mein. München, Wilhelm Fink Verlag, 2008. S. 207–222. (In German)

12 Gordon, Peter E. "Kafka's Inverse Theology." Hammer, Espen, editor. *Kafka's The Trial: Philosophical Perspectives*. New York, Oxford University Press, 2018, pp. 23–54. (In English)

13 Heidegger, Martin. *Sein und Zeit.* 19 Aufl. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006. 445 S. (In German)

14 Oschmann, Dirk. *Freiheit und Fremdheit: Kafkas Romane*. Basel, Schwabe Verlag, 2021. 255 S. (In German)